

Статья / Article

Нератова Е. И. Судьбы музейщиков и музейных предметов. К биографии К. З. Кавтарадзе // Историческое оружиеведение. — 2023. — № 12. — С. 223 — 262.

Neratova E.I. (2023). Sud'by muzejshhikov i muzejnyh predmetov. K biografii K. Z. Kavtaradze [Fates of museologists and museum items. To the biography of K. Z. Kavtaradze]. *Istoricheskoe oruzhievedenie* [Weapons History Journal], № 12, pp. 223 — 262.

Received: 07 March 2023 / **Accepted:** 16 March 2023 / **Published:** 31 March 2023

Copyright © 2023 The Author, The Center of Support and Development of Actual Research in the Field of Historical Weaponry (АНО «Центр поддержки и развития актуальных исследований в области Исторического оружиеведения»). This is an open access article distributed under the terms of the Creative Commons CC-BY license ([CC BY 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕВЕДЕНИЕ

№12, 2023

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации СМИ Эл. № ФС77-63760 от 16.11.2015 г.

ISSN: 2713-1491

eLIBRARY ID: 57987

Издатель: АНО «Центр поддержки и развития актуальных исследований в области исторического оружиеведения»

Свидетельство Министерства юстиции Российской Федерации от 22.07.2015 г.

Учетный № 7714056109

Copyright © 2023 авторы, АНО «Центр поддержки и развития актуальных исследований в области исторического оружиеведения».

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Нератова Е. И.

Судьбы музейщиков и музейных предметов.

К биографии К. З. Кавтарадзе

Fates of museologists and museum items.

To the biography of K. Z. Kavtaradze

Нератова Елизавета Ивановна — зав. отделом спец. хранения, хранитель Особой кладовой Российского этнографического музея (Санкт-Петербург, Россия).

Elizaveta I. Neratova — Curator of Special Collections of the Russian Ethnographic Museum (St. Petersburg, Russia).

e.neratova@mail.ru

Аннотация: В данной статье автор старается показать, что обстоятельства влияют не только на судьбы стран, народов, людей..., но и на музейные предметы. И в связи с этим представляет вниманию читателей четыре предмета кавказского оружия (один кинжал и три сабли), а также рассказывает о возникшем недоразумении при регистрации трех из них в собрании музея и восстанавливает имя собирателя — Константина Зурабовича Кавтарадзе (1879 – 1941).

Судьба самого К. З. Кавтарадзе была достаточно витиевата — талантливый художник-портретист, преподаватель рисования, успешно пробовавший себя и в зубопротезном деле, создатель антропологических манекенов Этнографического Отдела Русского музея (ныне Российский этнографический музей) и реставратор. К. З. Кавтарадзе выезжал в экспедиции в Закавказье, где собирал по программе Этнографического Отдела коллекции, делал зарисовки. Кроме того, он около трех лет проработал в музее истории Грузии. Но большая часть его профессиональной жизни была связана с Петербургом — Ленинградом, о чем кратко говорится в статье.

Автор уделяет внимание экспедиционно-собирательской деятельности К. З. Кавтарадзе, перечисляя все его поездки и кратко их характеризуя,

обращая основное внимание на поездку, откуда им было привезено в музей холодное оружие.

Ключевые слова: РЭМ, К. З. Кавтарадзе, Закавказье, кавказское оружие.

Abstract: This article is an attempt to show that circumstances affect not only fates of countries and people... but also fates of museum objects. And in this regard, the author presents four items of Caucasian arms (one dagger and three sabers), as well as describes the error that occurred during the registration of three of them in the museum collection and restores the collector's name - Konstantin Zurabovich Kavtaradze (1879 - 1941).

The fate of K.Z. Kavtaradze himself was quite unusual: a talented portrait painter, an art teacher who successfully tried himself in dental prosthetics, a creator of anthropological mannequins of the Ethnographic Department of the Russian Museum (now Russian Museum of Ethnography) and a restorer. K.Z. Kavtaradze used to go on expeditions to Transcaucasia where he collected items for the Ethnographic Department and made sketches. He also worked at Museum of History in Georgia for about three years. But most of his professional life was connected with St. Petersburg (Leningrad) as briefly described in the article.

The author pays attention to expeditionary and collecting activities of K.Z. Kavtaradze, listing all his trips and briefly characterizing them, as well as focusing on the trip from which he brought cold arms to the museum.

Keywords: Russian Museum of Ethnography (RME), K.Z. Kavtaradze, Transcaucasia, Caucasian arms.

Изучение музейных собраний — это важная часть повседневной музейной работы. Ибо музей – это не склад старых предметов, это учреждение, занимающееся изучением, комплектованием и показом этих собраний посетителям, образовательной и научно-просветительской деятельностью. Эта работа не может проводиться без соответствующих знаний сотрудников.

Но, как это не покажется странным, некоторые вещи, хранящиеся в музеях, по тем или иным причинам оказываются недостаточно изученными, а

какие-то имеют ошибочную атрибуцию. Поэтому многие музейщики отчасти «детективы». Ведь у музеев, как это бывает в жизни, в процессе работы случаются запутанные истории, непредвиденные обстоятельства, разные трудности, подчас катастрофические, последствия которых приводят к тем или иным ошибкам. И это заставляет нас вглядываться в прошлое и распутывать клубок заблуждений, «счищать» слой за слоем неточности и искать правду. К сожалению, она не всегда открывается нам. Но бывают счастливые моменты, когда работа «музейным детективом» приносит свои плоды. В результате уточняется атрибуция предметов, выясняется история их поступления в музей, и это позволяет иначе взглянуть на музейные вещи и правильное их использовать в текущей музейной и научной работе.

Эта работа сталкивает нас и с судьбами сотрудников музея. Ведь большинство людей, которые отдают этому поприщу большую часть своей жизни, действительно сплетаются своей судьбой с жизнью того музея, в котором они служат. Современные музейщики вспоминают своих предшественников, открывая все новые и новые детали их творческой, научной, выставочной, экспедиционной и другой деятельности.

Константин Зурабович Кавтарадзе (1879–1941) был человеком, чья работа до сих пор находит отклик в сердцах сотрудников Российского этнографического музея¹, которому он посвятил большую часть своей жизни. Л. П. Потапов² вспоминал о К. З. Кавтарадзе как о незаменимом специалисте, прекрасном реставраторе, вдумчивом и квалифицированном коллекционере, хорошем художнике³. И. Б. Абесадзе⁴ в своей статье приводит слова Е. Н. Студенецкой⁵, которые она написала в 1941 году в письме родным по

¹ Нынешний Российский этнографический музей (РЭМ) до 1934 года был Этнографическим Отделом Русского музея (ЭОРМ), с 1934 по 1991 год он назывался Государственным музеем этнографии (ГМЭ).

² Потапов Леонид Павлович (1905, г. Барнаул – 2000, Санкт-Петербург) – этнограф-сибиревед, в 1930-40-х годах сотрудник ГМЭ.

³ აბესაძე ი. მუზეუმის მოამაგე მხატვარი: [კ. კავთარაძე] // საბჭოთა ხელოვნება. 1989. – № 3, გვ.143

⁴ Абесадзе Ирина Бидзиновна (1949 г. р.) – искусствовед.

⁵ Е. Н. Студенецкая (1908–1988) этнограф-кавказовед, музейщик, с 1930 г. сотрудница ЭОРМ (с 1934 г. ГМЭ), с 1938 по 1981 г. заведующая отделом Кавказа музея.

поводу кончины К. З. Кавтарадзе: «Мы будем строить новые и новые выставки, а когда будем работать в фондах, на каждом шагу будем встречать плоды работ Константина Зурабовича, отдавшего всю свою жизнь нашему музею»⁶. И это высказывание не утратило своего смысла и в настоящее время, ибо мы, пусть и не на каждом шагу (ведь прошло много лет), но вспоминаем К. З. Кавтарадзе, благодаря его обширной и разнообразной музейной работе.

Обращаясь к личности неординарного человека, нельзя не коснуться истории его жизни, становления и работы. Нам повезло, в архиве Российского этнографического музея хранится автобиография К. З. Кавтарадзе, написанная 10 мая 1931 года.

Константин Зурабович Кавтарадзе (Илл. 1) родился 21 мая 1879 года в Тифлисе в семье безземельного имеретинского крестьянина, происходившего из сел. Ргани Шорапанского уезда Кутаисской губ., Зураба Ивановича Кавтарадзе⁷ и уроженки Тифлиса Екатерины Агаевны (урожд. Джанкуловой)⁸. Его отец не имел конкретной профессии. Он работал в Тифлисе то разнорабочим по найму, то помощником мастера по серебряному делу, одно время был подсобным рабочим в театре, позже горнорабочим на Чиатурских марганцевых коях, строителем, наконец, поваром... А его мать была швейей⁹.

Илл. 1. Константин Зурабович Кавтарадзе, 1911 г. (?). Фотография из газеты «Темми», № 36 от 12.09.1911 г.

В 1889 году Константин Кавтарадзе был отдан родителями на обучение в начальное 3-классное училище при Тифлисской духовной семинарии. По окончании этого училища он поступил в 1-ю Тифлисскую гимназию¹⁰, где

⁶ აბესაძე ი. მუზეუმის მოამაგე მხატვარი: [კ. ქავთარაძე] // საბჭოთა ხელოვნება. 1989. – № 3, გვ.143

⁷ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 9.

⁸ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 3.

⁹ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 9.

¹⁰ По другим сведениям, в реальное училище.

обучался до 4-го класса (включительно), но не окончил ее из-за недостатка средств¹¹.

Как пишет в своей биографии сам К. З. Кавтарадзе: «С самого раннего детства я проявлял художественный талант к великому огорчению моих родителей и домохозяев, так как все стены я разукрашивал своими рисунками углем»¹². Эта тяга к рисованию и определила его дальнейшую судьбу. Первым его учителем стал живший в Тифлисе художник Г. Ф. Гриневский, который обратил внимание на способного юношу и стал руководить его художественным образованием¹³. В августе 1898 года Кавтарадзе поступил в школу живописи и скульптуры Кавказского общества поощрения изящных искусств в Тифлисе, где его педагогами были Г. Ф. Гриневский (до 1900 года), затем (в 1900–1904 годах) О. И. Шмерлинг, Г. И. Габаев (Габашвили) и Л. Г. Лонго¹⁴ (Художники народов СССР 1995, 586).

Завершив образование в Тифлисе, К. З. Кавтарадзе в 1904 году отправился в Санкт-Петербург, где посещал вольнослушателем занятия в Академии художеств, работая под руководством профессора В. В. Матэ. Одновременно с этим он занимался ретушированием фотографий, исполнял заказы на портреты, был иллюстратором журналов «Живописное обозрение» и «Нива», преподавал рисование и заведовал художественными мастерскими (столярной, токарной, мастерской резьбы по дереву, а также переплетной) в Училище попечительства о глухонемых Императрицы Марии Федоровны¹⁵. Тем не менее недостаточность средств и совет знакомого зуботехника И. И. Клемша подвигли К. З. Кавтарадзе к освоению новой профессии. Он прошел обучение и после не только работал техником у различных зубных врачей (в 1906–1910 годах), изготавливая зубные протезы, но был преподавателем зуботехники в зубоврачебной школе Е. Ф. Вангль и на курсах усовершенствования врачей¹⁶. В эти же годы он начал участвовать в выставках. В 1910 году Константин Зу-

¹¹ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 9.

¹² Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 9.

¹³ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 9.

¹⁴ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 9 об.

¹⁵ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 9 об.

¹⁶ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 10.

рабович вернулся в Тифлис, чтобы поправить здоровье. Там он продолжил свою деятельность как зубной техник, но не оставил своих занятий как художник и иллюстратор периодических изданий. Основной темой для него были народные типы и быт Закавказья. По предложению газеты «Сахалхо газети» (სახალხო გაზეთი «Народная газета») Кавтарадзе устроил в 1911 году выставку своих работ¹⁷. Она состоялась в Тифлисе, в здании грузинского театра. На ней были представлены рисунки и этюды К. З. Кавтарадзе. В основном это были рисунки типов народов Кавказа и жанровые сценки. Газета «Теми» (თემი «Общество») от 12 сентября 1911 года отмечала особенно интересные работы автора, а также сообщала, что за первые три недели работы выставки было продано 60 его работ¹⁸, многие из которых были приобретены музеем этнографии и антропологии при Тифлисском университете¹⁹. В результате успеха этой выставки последовали предложения провести аналогичные в городах Батум и Кутаис²⁰. И именно на выставке 1912 года в Батуме произошла важная для всей дальнейшей судьбы К. З. Кавтарадзе встреча. Там он познакомился с Александром Александровичем Миллером²¹ – сотрудником ЭОРМ, который предложил Константину Зурабовичу отказаться от «стихийной продажи» его произведений и представить их все для приобретения в ЭОРМ²².

В результате осенью 1912 года К. З. Кавтарадзе приехал в Петербург и предложил свои работы на рассмотрение Совета ЭОРМ (Илл. 2, 3, 4, 5 и 6).

¹⁷ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 10.

¹⁸ კოტე ქავთარაძის ნახატების გამოფენა // თემი. – 1911, № 36, 12 сентября – с. 3 (Выставка картин Коте Кавтарадзе // Теми. Газета. – 1911, № 36, 12 сентября – с. 3)

¹⁹ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 10.

²⁰ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 10.

²¹ А. А. Миллер (1875–1935) – известный отечественный археолог и этнограф, лидер отечественной школы палеоэтнологии, востоковед и кавказовед, музейщик: с 1907 года внештатный сотрудник ЭОРМ, с декабря 1908 – хранитель ЭОРМ, курировавший весь комплекс работ по востоковедению, в 1918–1921 годах – директор Русского музея и одновременно заведующий ЭОРМ, с 1925 – заведующий отделением Кавказа и Туркестана ЭОРМ.

²² Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 10 об.

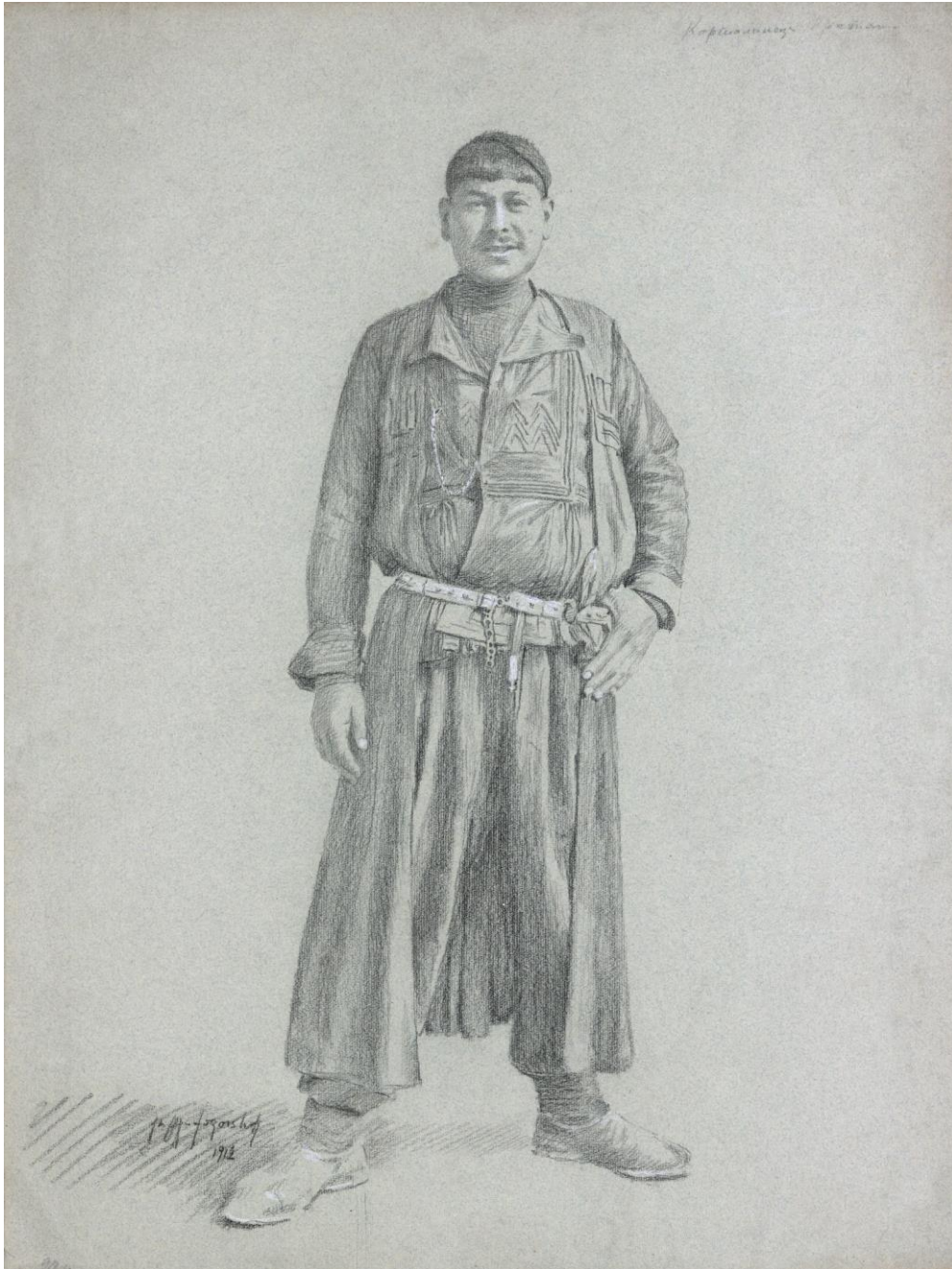

Илл. 2.

Кавтарадзе К.З. Портрет кн. Андроникова. Кахетия (РЭМ № 2563 – 2), 1902 г.

Бумага, пастель.

Длина – 65,1 см; ширина – 48,0 см.

Илл. 3.
Кавтарадзе К.З. Карталинский крестьянин (РЭМ № 2563 – 3), 1912 г.
Бумага, карандаш, пастель.
Длина – 62,8 см; ширина – 47,3 см.

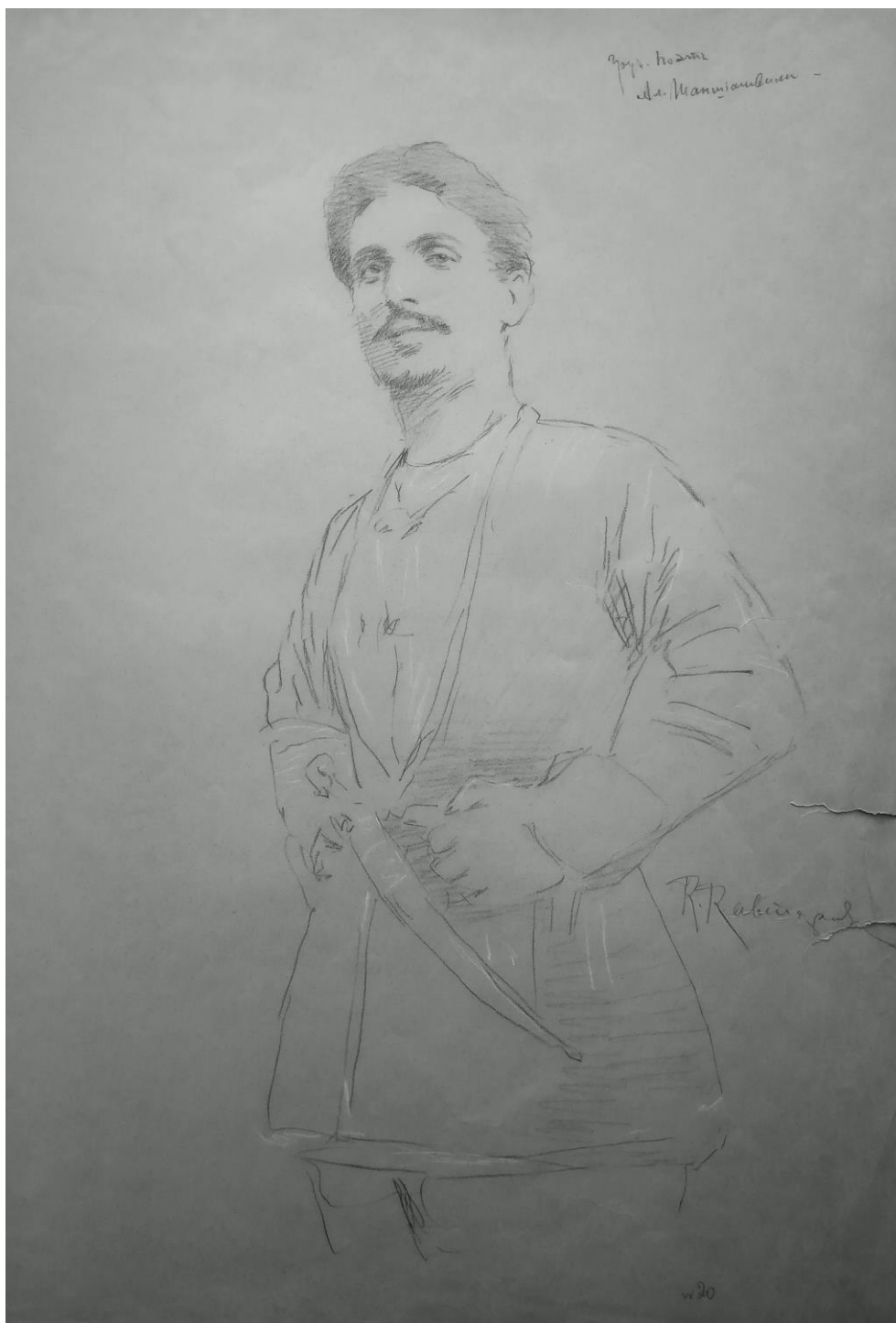

Илл. 4.

Кавтарадзе К.З. Гуриец (РЭМ № 10873 – 2), 1912 г.

Бумага, карандаш.

Длина – 63,0 см; ширина – 47,4 см.

Илл. 5.

Кавтарадзе К.З. Портрет поэта Ал. Шаншиашвили (РЭМ № 10873 – 3), 1912 г. (?).

Бумага, карандаш, пастель.

Длина – 65,0 см; ширина – 49,7 см.

Илл. 6.

Кавтарадзе К.З. Портрет старика. Тифлис (РЭМ № 10873 – 6), 1905 г.

Бумага, карандаш, пастель.

Длина – 62,0 см; ширина – 47,7 см.

Рисунки были приобретены²³, а сам К. З. Кавтарадзе был приглашен на должность художника-мастера музея. Тогда же ему было поручено оборудование манекенной мастерской²⁴, работа в которой выполнялась по контрактам, а с 9 февраля 1913 года по сдельной оплате²⁵. Как пишет сам Кавтарадзе, им «был выработан тип манекенов, значительно превосходящих заграничные образцы как с конструктивной, так и с художественной стороны, обходящийся притом в восемь раз дешевле заграничных»²⁶.

За время своей работы в ЭОРМ К. З. Кавтарадзе изготовил около 1000 манекенов, причем около 800 в дореволюционный период его работы (Илл. 7), которые в 1930-х годах полностью обеспечивали все экспозиции музея. И в дальнейшем налаженная работа манекенной мастерской и изготовленные им формы давали возможность использовать их на новых и новых экспозициях.

Илл. 7. Первые манекены музея и сотрудники: А.А. Миллер, Н.М. Могилянский, П.А. Смелов (?) и К.З. Кавтарадзе (РЭМ № ИМ 1 – 35), 1914-1915 гг. (?).

²³ Архив РЭМ: ф. 1, оп. 1, д. 79, л. 52 об.

²⁴ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 10 об.; ф. 1, оп. 1, д. 89, д. 6 об.

²⁵ Архив РЭМ: ф. 1, оп. 1, д. 89, л. 7.

²⁶ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 10 об.

Любопытно, но в начале XX века была принята очень условная окраска манекенов (по европейским аналогам), что видно на ранних фотографиях. И только 13 октября 1926 года на совещании сотрудников ЭОРМ был поставлен вопрос об изменении окраски имеющихся манекенов. В результате было принято решение о необходимости использования иной тональности окраски, при которой, сохраняя некоторую условность, надо было стремиться к воспроизведению реальных данных пигментации, о чем было доложено на Совете ЭОРМ 10 ноября 1926 года (Журнал заседаний Совета Этнографического Отдела № 460)²⁷. Поэтому манекены в начале 1930-х годов постепенно перекрасили, и они обрели привычный нам вид. Часть из них, пройдя многочисленные реставрации, продолжает использоваться в музее и поныне. И мало кто задумывается, что им уже больше ста лет²⁸.

Кроме работы в манекенной мастерской, К. З. Кавтарадзе с 1914 года участвовал в расширении и налаживании работы реставрационной и муляжной мастерских (как его деятельность зафиксирована в Трудовом списке: «мастер-художник реставрационной, формовочной и манекенной мастерских»²⁹), где работал под общим руководством А. А. Миллера и совместно с художником П. А. Смеловым³⁰. Сам Кавтарадзе по большей части специализировался на реставрации предметов из металлов, дерева, кости, а также керамических изделий³¹.

В 1915 году К. З. Кавтарадзе совершил по поручению ЭОРМ свою первую этнографическую экспедицию в Тифлисскую и Елисаветпольскую

²⁷ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 1, д. 174а, л. 75.

²⁸ Интересно, что не только наш музей до сих пор использует манекены, сделанные К.З.Кавтарадзе и его коллегами. В 1929 году ЭОРМ передал в Этнографический музей Анкары (основанный в 1924 году) костюм хакасского шамана на манекене. Это был межмузейный обмен (взамен ЭОРМ получил костюм дервиша, правда, без манекена). В 1942 году манекен с шаманским костюмом из Этнографического музея Анкары был передан в музей университета Анкары, где до сих пор экспонируется.

²⁹ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 23 (Трудовой список).

³⁰ Павел Александрович Смелов (1874, г. Чистополь – 1942, Ленинград) – художник, с 1925 или 1930 года сотрудник отдела Антропологии Музея антропологии и этнографии (МАЭ) АН СССР, с 1941 года – комендант МАЭ.

³¹ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 10 об.

губ.³² В начале 1916 года состоялась его вторая экспедиция. Теперь К. З. Кавтарадзе посетил Дагестанскую обл. и Бакинскую губ.³³

По возвращении в Петроград весной 1916 года К. З. Кавтарадзе был призван на военную службу ратником ополчения 2-го разряда³⁴ и направлен исполнять воинские обязанности в Российском Красном Кресте³⁵ в лаборатории челюстно-протезной хирургии госпиталя в Зимнем дворце³⁶ помощником заведующего Д. А. Энтина³⁷. Период его службы в Красном Кресте совмещался отчасти с его деятельностью в ЭОРМ ввиду близости прохождения медицинской воинской службы.

В конце апреля 1917 года Кавтарадзе получил отпуск³⁸ по военной службе (для женитьбы) и отправился в Тифлис, куда пробовал перевестись по работе в Красном Кресте, но отказался от этой идеи и вскоре вернулся в Петроград.

Отправляясь в отпуск в 1917 году, Константин Кавтарадзе получил задание от ЭОРМ по сбору коллекций в Тифлисской губ. Это была его третья этнографическая экспедиция. По возвращении из отпуска он продолжил службу в госпитале и в музее, но вскоре работа К. З. Кавтарадзе в ЭОРМ бы-

³² Архив РЭМ: ф. 1, оп. 2, д. 305, л. 1-1об., 11-15, 26-32.

³³ Д. 305, л. 8, 16-23.

³⁴ В результате военной реформы, проведенной по инициативе военного министра Д. А. Милютин, с 1874 года была введена всеобщая воинская повинность (вместо рекрутского набора), но сохранены неподлежащие призыву категории. Появилась также категория ратников – государственного ополчения, проходившего с 1890 года военные сборы. Ратниками второго разряда были мужчины в возрасте от 21 до 43 лет, не проходившие прежде воинской службы.

³⁵ Архив РЭМ: ф. 1, оп. 2, д. 305, л. 42.

³⁶ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 11.

³⁷ Давид Абрамович Энтин (1888–1957) – стоматолог, с 1918 года старший протезист и заведующий отделением челюстной хирургии госпиталя Российского красного креста, с 1924 года – преподаватель Военно-медицинской академии в Ленинграде, профессор, во время Великой Отечественной войны – главный стоматолог РККА.

³⁸ Любопытно, что на время отъезда К. З. Кавтарадзе манекенная мастерская в музее была поручена его брату П. З. Кавтарадзе, в обязанности которого входил надзор и вечерние работы, о чем есть запись в журнале Совета ЭОРМ № 368 от 8 июня 1917 года (Архив РЭМ: ф. 1, оп. 1, д. 117, л. 7 об.). Это единственный документ, в котором упоминается брат К. З. Кавтарадзе.

ла прервана. И причиной тому стала его женитьба, состоявшаяся в мае 1917 года. Как он пишет в своей биографии, «привыкшая к провинциальной тиши» его супруга не смогла жить в Петрограде³⁹, и в результате К. З. Кавтарадзе осенью 1917 года снова уехал на Кавказ, где намеревался продолжить собирать вещи для музея, но с 13 ноября 1917 года уволился из ЭОРМ⁴⁰.

После этого он работал несколько лет в Тифлисе как свободный художник и как техник. Гордился тем, что им были впервые изготовлены и введены в употребление стальные шрифты для пишущих машин для всех кавказских алфавитов⁴¹.

Однако в 1921 году, после развода с женой, К. З. Кавтарадзе вернулся в Петроград, привезя с собой ряд предметов, приобретенных им для музея после 1917 года⁴², и восстановился на работе в ЭОРМ. Он был принят в Этнографический Отдел художником-реставратором⁴³ и проработал в этой должности с августа 1921 по ноябрь 1924 (или весну 1925 года?), когда он отказался от командировки, во время которой должен был ознакомиться с постановкой музейного дела и с практической работой в реставрационных лабораториях (мастерских) в музеях Лондона, Парижа, Рима, Берлина и Мюнхена. Отказ произошел из-за разногласий с руководством ЭОРМ по длительности этой поездки. В результате Кавтарадзе уволился и в мае 1925 года уехал в Тифлис, поступил на работу в музей Истории Грузии в качестве художника-реставратора, где проработал один год. Работая в этом музее, он участвовал в археологических раскопках с профессором Г. Б. Ниорадзе в районе близ ЗаГЭС и в Белом Ключе, занимаясь там также зарисовками, изготовлением муляжей и эстампажей⁴⁴.

В 1927 – первой половине 1929 года К. З. Кавтарадзе продолжал заниматься зарисовками в Тифлисе, Эривани, Нахичевани и Баку. В Баку такие работы он выполнял по заказу Азкомстариса (Азербайджанского комитета

³⁹ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 11.

⁴⁰ Архив РЭМ: ф. 1, оп. 2, д. 305, л. 42.

⁴¹ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 11-11 об.

⁴² Архив РЭМ: ф. 2, оп. 1, д. 48а, л. 55.

⁴³ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 7 об., л. 23 (трудовой список).

⁴⁴ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 11 об., л. 23 (трудовой список).

охраны памятников старины, искусства и природы): он сделал зарисовки Шахской мечети, Девичьей башни, храма огнепоклонников и других памятников старины Баку и его окрестностей⁴⁵.

В конце лета 1929 года К. З. Кавтарадзе окончательно вернулся в Ленинград, где 1 октября 1929 года снова поступил на службу в ЭОРМ в качестве художника-реставратора, 21 мая 1930 года был переведен на должность научного сотрудника 1-го разряда, а в апреле 1932 года стал старшим научным сотрудником. Однако в июне 1933 года был уволен из музея по сокращению штатов.

В короткий «безмузейный» период 1933 года он работал по временным договорам: выполнял художественные работы для Кутаисского химического комбината и для Северной судостроительной верфи по оформлению выставки в Доме культуры Московско-Нарвского района⁴⁶ Ленинграда.

В мае 1934 года вновь зачислен в штат Государственного музея этнографии (так с 1934 года стал называться Этнографический Отдел), где и проработал до конца своих дней.

Работал он в разных должностях: старшим научным сотрудником, художником-реставратором, наконец, заведующим реставрационной мастерской. Все эти годы он очень горячо переживал за состояние сохранности музейных предметов, разрабатывая и подавая идеи улучшения работы в фондах и реставрационной мастерской⁴⁷.

Весь период работы в ЭОРМ (ГМЭ) Константин Зурабович жил на территории музея, где были оборудованы квартиры для сотрудников (по Инженерной ул. в доме 4/1, в кв. 47, а позже в кв. 6). Скончался К. З. Кавтарадзе 22 января 1941 года.

По воспоминаниям сотрудников музея в память о К. З. Кавтарадзе в 1941 году в Государственном музее этнографии был издан специальный бюл-

⁴⁵ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 12, л. 23 (трудоустройство).

⁴⁶ Впоследствии получил название ДК им. А. М. Горького (теперь Дворец искусств Ленинградской области).

⁴⁷ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 1, д. 556, л. 12-13 об.

летень⁴⁸ с его фотографиями и письмами. Однако в настоящее время следов этого издания найти не удалось.

Резюмируя вклад К. З. Кавтарадзе в музейное дело, надо отметить, что за годы своей работы в ЭОРМ – ГМЭ:

1) К. З. Кавтарадзе выполнил около 1000 манекенов для экспозиций.

2) На протяжении 15 лет (с перерывом в 4 года) занимался реставрацией музейных предметов.

3) Пополнил коллекцию музея своими рисунками, среди которых есть рисунки типов Кавказа, приобретенные музеем в 1912 году, и специально выполненные рисунки по заказу музея. Эти рисунки представляют собой кавказские типы и типы населения Европейской России, которые делались и как бытовые зарисовки Кавтарадзе (61 рисунок в нескольких коллекциях⁴⁹), и как работы, являвшиеся основой для создания манекенов (112 рисунков).

4) Выезжал в экспедиции и собирал вещевые коллекции для музея в соответствии с предложенными ему музеем программами.

В поездках в Закавказье (в 1915, 1916 и 1917 годах) им были собраны большие и достаточно репрезентативные коллекции по грузинам, армянам, азербайджанцам, горским евреям и небольшая по персам (всего более 800 предметов в нескольких коллекциях).

В первой экспедиции, задачей которой было изучение этнического состава г. Шуши, было собрано 310 предметов. 308 из них характеризуют народы Елисаветпольской губ., проживавшие в г. Шуше и его окрестностях: армян⁵⁰ (209 предметов), азербайджанцев⁵¹ (97 предметов), персов⁵² (2 предмета). Остальные были приобретены попутно в г. Тифлисе и характеризуют грузин⁵³ (2 предмета).

⁴⁸ აბესაძე ი. მუზეუმის მოამაგე მხატვარი: [კ. ქავთარაძე] // საბჭოთა ხელოვნება. 1989. – № 3, გვ.143

⁴⁹ Коллекции РЭМ №№ 2563, 2564, 2565 (исключена по результатам послевоенной сверки: ордер № 634/09.07.1955), 10873, 10874, 10875, 10876, 10877 и 10879.

⁵⁰ Коллекции РЭМ № 3518 и № 3599.

⁵¹ Коллекции РЭМ № 3519 и № 3600.

⁵² Коллекция РЭМ № 3601.

⁵³ Коллекция РЭМ № 3602.

Во второй экспедиции, задачей которой было изучение евреев г. Дербента Дагестанской обл. и азербайджанцев Бакинской губ., было собрано 406 предметов. По результатам этой поездки были сформированы коллекции по горским евреям⁵⁴ (33 предмета) и по азербайджанцам⁵⁵ г. Шемахи и сел. Лагич, Гарджеван (Гюрджеван) и Ахсу Шемахинского уезда Бакинской губ. (373 предмета).

В третьей экспедиции, задачей которой было изучение грузин⁵⁶ Тифлисской губ., было приобретено 135 предметов. Среди предметов, купленных Кавтарадзе в его грузинской экспедиции 1917 года, было четыре образца холодного оружия, которые нас и будут интересовать в первую очередь. Кроме того, (в дополнение к материалам данной экспедиции) К. З. Кавтарадзе уже после доставки в ЭОРМ результатов экспедиционного сбора было приобретено в Тифлисе еще 12 предметов⁵⁷.

Но если приобретения Кавтарадзе в первых двух его экспедициях были зарегистрированы в фонды музея сразу, то материалы его последней экспедиции ждали своей регистрации несколько лет. Более того, те 12 предметов, которые он привез, вернувшись в Петроград в 1921 году, были тоже зарегистрированы сразу. А вот его сбор в Телавском уезде Тифлисской губ., привезенный в музей 16 сентября 1917 года, принятый музеем 22 сентября 1917 года (под вход. № 24) и состоявший из 68 номеров (135 предметов), был представлен на Совете ЭОРМ только в 1921 году, одновременно с новой коллекцией из 10 номеров (12 предметов), привезенной Кавтарадзе из Грузии.

Такая задержка объясняется тем, что музей в те годы переживал не самые лучшие времена. Тут были и эвакуация основных коллекций в Москву (они хранились в сундуках, на территории Кремля), и их сложное возвращение в музей, состоявшееся только в декабре 1920 года. И трудные условия работы, когда (с 1917 по 1924 год) музей стоял зимой без отопления и работы были возможны лишь в одном небольшом, оборудованном буржуйкой помещении (так называемом «теплом углу»), в котором заниматься планомерной

⁵⁴ Коллекция РЭМ № 3704.

⁵⁵ Коллекции РЭМ № 3705, № 3706 и № 3707.

⁵⁶ Коллекции РЭМ № 4643, № 6061 и № 6266.

⁵⁷ Коллекция РЭМ № 3933.

регистрацией больших коллекций было совершенно невозможно. Поэтому небольшая коллекция из 10 номеров была зарегистрирована сразу (3933), а большая из 68 – нет. Иными словами, регистрация предметов в состав музейных коллекций шла значительно медленнее, чем хотелось бы. Но и эта задержка была только началом проблемы. Наводнение, случившееся в Ленинграде 23 сентября 1924 года, не просто заставило отложить все плановые работы, но «спутало все карты». Оно стало серьезным испытанием для Этнографического Отдела. Поскольку строительство здания Отдела было приостановлено в 1914 году, то «депозитарий» (помещения для хранения предметов, именуемые ныне фондами или фондохранилищами), за исключением единственного фонда музея, был только в проекте. Поэтому большинство музейных предметов хранилось в подвале. Но завершение строительства тогда еще предполагалось, под вторую часть здания был вырыт котлован, и вплоть до наводнения он сохранялся незасыпанным и примыкал к построенной части здания Отдела. Это привело к тому, что полное затопление подвалов, где хранились вещи, произошло всего за полчаса. Я уже приводила в одной из моих прежних публикаций (Нератова 2018) свидетельства очевидцев тех событий. Здесь для полноты картины должна процитировать их вновь. Сотрудник музея Б. Г. Крыжановский⁵⁸ писал: «Во время наводнения вода, наполнившая выемку для фундамента недостроенной части здания, подняла сложенные здесь дрова, вышибла ими ворота в кочегарку центрального отопления, и отсюда бурный поток пронесся через все подвалы, ломая в некоторых местах полки и сдвигая тяжелые шкафы. Когда вода была удалена, подвалы представляли собой картину полного разгрома. Все вещи были перепутаны, сброшены со своих мест, много керамики и стекла побито, все ткани промочены и загрязнены»⁵⁹. В справке⁶⁰, составленной Н. П. Гринковой⁶¹ и

⁵⁸ Крыжановский Борис Георгиевич (1886, г. Смоленск – 1937, пос. Медвежья Гора) возглавлял в те годы II отделение ЭОРМ (этнография восточных и зарубежных славян).

⁵⁹ Отдел научной документации РЭМ: Приложение № 1 к Ордеру № 634: книга 730, л. 89.

⁶⁰ Отдел научной документации РЭМ: Приложение № 1 к Ордеру № 634: книга 730, л. 90-91.

Е. Э. Бломквист⁶², было зафиксировано удручающее состояние музейных предметов после наводнения. Было указано, что музейное оборудование (шкафы и сундуки) не выдержало натиска воды, расклеилось и развалилось, поэтому после откачки воды сотрудникам музея по пояс в воде пришлось разбирать груды вещей. Они выносили предметы во двор, раскладывали и сушили их во дворах музея на траве, веревках, козлах, ступенях... А по мере их просушки переносили на чердак Художественного отдела, в мастерские, в недостроенное здание на канале Грибоедова, а также в Мраморный зал ЭОРМ... Музейные предметы оказались перепутанными. В течение 1925–1928 годов все вещи прошли через реставрационную мастерскую, где их по возможности привели в порядок, а затем распределили по отделениям музея, а внутри них по типам вещей, и разложили по вновь сделанным шкафам и сундукам⁶³. Предметы, утратившие учетные обозначения, опознавали, восстанавливали номера, либо составляли на них Охранные описи для дальнейшей работы, ряд из них позже составил музейные коллекции, предметы в которых так и не были опознаны и были определены как «ранее незарегистрированные». С этими коллекциями мы работаем до сих пор и время от времени происходят «открытия».

Результатом этого наводнения в нашей истории стала не только задержка регистрации экспедиционного привоза К. З. Кавтарадзе, но временная утрата информации о принадлежности к нему трех сабель.

Весь грузинский экспедиционный привоз К. З. Кавтарадзе (кроме трех сабель) был зарегистрирован Г. К. Щипковой⁶⁴ в два этапа: в 1938 году в коллекцию № 6061 (16 номеров, 18 предметов) и в 1940 году в коллекцию

⁶¹ Гринкова Надежда Павловна (1895, Санкт-Петербург – 1961, г. София) – филолог-славист, в те годы научный сотрудник I отделения ЭОРМ (этнография русских и финнов).

⁶² Бломквист Евгения Эдуардовна (1890, Санкт-Петербург – 1956, Ленинград) – этнограф, в те годы научный сотрудник I отделения ЭОРМ (этнография русских и финнов).

⁶³ Отдел научной документации РЭМ: Приложение № 1 к Ордеру № 634: книга 730, л. 96.

⁶⁴ Щипкова Галина Казимировна (1909, Санкт-Петербург – 1942, ст. Буй?) – сотрудник ГМЭ в 1937-1942 годах.

№ 6266 (46 номеров, 111 предметов). Но сабли не пропали. В 1927 году (гораздо раньше остальных экспедиционных материалов Кавтарадзе 1917 года) они были зарегистрированы сотрудником музея Ф. А. Фиельstrupом⁶⁵. И составили коллекцию № 4643 (3 номера, 6 предметов). Ф. А. Фиельstrup отнес эти сабли к поступившим в музей из коллекции Е. Е. Тевяшова⁶⁶ в 1926 году.

Изучение материалов по коллекции Е. Е. Тевяшова показывает ошибочность данной регистрации, ибо в его собрании не было подобных предметов. В список предметов, собранных Е. Е. Тевяшовым, входили разнообразные луки и стрелы (и именно эти предметы составляли большую часть его собрания), другую часть его коллекции составляло защитное вооружение, холодное и огнестрельное оружие, копыя, стремена и «мелочи», а именно: деревянная скульптурная модель рукоятки меча и сибирский щиток для защиты от ударов тетивы. Список холодного оружия состоял всего из 12 пунктов: монгольской сабли (из кургана), петровского палаша (с пилой), эспантона Лейб-Гвардии Измайловского полка, пики кавалергардской, хевсурского «меча»⁶⁷ и кинжала-кама, марокканской сабли, турецкого ножа, цейлонского «полумеча», кинжала-кама с клеймом, кинжалов разных и персидского кинжала⁶⁸. В этом собрании не было ни одной кавказской сабли. Но история вопроса такова: 7 октября 1917 года Е. Е. Тевяшов впервые обратился в ЭОРМ с просьбой принять всю его коллекцию на временное хранение в упакованном виде⁶⁹. В декабре 1918 года он вновь обратился в музей сначала с желанием продать в музей свою коллекцию оружия⁷⁰, а в 1919-м — с просьбой передать ее на хранение⁷¹ с расчетом на дальнейшее приобретение. Все это

⁶⁵ Фиельstrup Федор Артурович (1889, Санкт-Петербург – 1933, Ленинград) – этнограф, тюрколог, сотрудник ЭОРМ.

⁶⁶ Тевяшов (Тевяшев) Евгений Евгеньевич (1874, Санкт-Петербург – 1942, Ленинград) – спортсмен, коллекционер.

⁶⁷ Имелся в виду палаш.

⁶⁸ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 1, д. 2, л. 6; Дмитриев С. В. Фонд Этнографического Отдела Русского музея по культуре народов зарубежного Востока: история формирования и судьба (1901–1930-е гг.). СПб, 2012, с. 741-742.

⁶⁹ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 1, д. 2, л. 1.

⁷⁰ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 1, д. 11а, л. 48 об. -49.

⁷¹ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 1, д. 32а, л. 17об.

было следствием выхода декрета СНК РСФСР «О сдаче оружия» от 10 декабря 1918 года. Но в связи с отсутствием денежных средств Тевяшову было предложено забрать свою коллекцию. Велись лишь переговоры о приобретении из его собрания луков и стрел. Его коллекция в результате была передана в МАЭ⁷². В наш же музей в дар от владельца в декабре 1923 года поступил только хевсурский палаш (он же «меч» в списке коллекции), названный в журнале Совета ЭОРМ № 437 от 13 декабря 1923 года хевсурской саблей⁷³.

Таким образом, ни в общем списке предметов, собранных Е. Е. Тевяшовым, ни среди предметов, отобранных для приобретения музеем, нет ни одной закавказской сабли, подобной приобретенным К. З. Кавтарадзе. Из-за наводнения эти три предмета оказались в стороне от остальных вещей экспедиционного сбора 1917 года, и после их просушки были отнесены к известному в то время в коллективе музея оружейному собранию, о котором в период до 1924 года было много разговоров на Совете Этнографического Отдела. Так, описанные Ф. А. Фиельstrupом сабли из экспедиции К. З. Кавтарадзе стали числиться саблями из коллекции Е. Е. Тевяшова. Поэтому одной из задач этой статьи является восстановление имени собирателя. Но мое рассуждение по этому поводу не первое. В 1938-40-х годах Г. К. Щипкова, которой было поручено зарегистрировать предметы грузинской экспедиции Кавтарадзе, соотносила свою регистрацию со счетом экспедиции, составленном в 1917 году и включавшем данные три сабли. Именно ею была сделана карандашная отметка о том, что сабли, приобретенные Кавтарадзе, зарегистрированы под коллекционным номером 4643. Но дальше этих пометок, сохранившихся в счете экспедиции, дело не пошло. Никто не внес корректировку в данные о собирателе в коллекцию 4643, и на долгие годы эти сабли стали числиться предметами, относившимися к коллекции Е. Е. Тевяшова. Более того, одну из этих сабель постигла еще одна неприятность. Поврежденная во время наводнения, она со временем, вероятно, уже во время Великой Отечественной войны, утратила рукоять, на которой по аналогии с другими предметами из данной коллекции был написан ее музей-

⁷² Архив РЭМ: ф. 2, оп. 1, д. 32а, л. 7.

⁷³ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 1, д. 2, л. 8; Коллекция РЭМ № 4260.

ный номер. Поэтому при послевоенной сверке музейных предметов саблю не опознали, ее списали по Ордеру № 944 от 10.10.1956, а неизвестную и безномерную сабельную полосу зарегистрировали в 1954 году под новым номером № 6790–16 в сборную черноморскую коллекцию. Регистрацией занимался А. С. Бежкович⁷⁴, и он наряду с балканскими ружьями из Охранной описи отдела Украины и Белоруссии включил в нее интересующий нас предмет, не входивший в довоенные Охранные описи ни одного из отделов музея.

Но сабельной полосе, видимо, «не хотелось» жить под чужим именем и новый номер (6790–16) от нее открепился, в 2007 году она была включена в Охранную опись № 1/2007, однако, спустя пять лет, опознана по коллекционным описям музея (акт опознания № 32 от 25 сентября 2012 года) и восстановлена под номером 6790–16.

Изучение наследия К. З. Кавтарадзе заставило обратить внимание на коллекцию № 4643 и попытаться найти утраченную саблю. Саблю найти не удалось, но удалось выявить в другой коллекции музея, сохранившуюся сабельную полосу. Клинок полностью соответствует раннему регистрационному описанию сабли. И по своей геометрии полностью соответствует ножнам, хранящимся под номером 4643–2/2.

Таким образом, удалось не только восстановить имя К. З. Кавтарадзе как собирателя предметов коллекции 4643 для музея, но и восстановить целостность одного из комплексов, которая была прежде утрачена.

Итак, в собрании Российского этнографического музея хранится холодное оружие, привезенное из экспедиции К. З. Кавтарадзе 1917 года в Тифлисскую губ. (Илл. 8), которое включает кинжал (с самого начала зарегистрированный как приобретенный К. З. Кавтарадзе) и три сабли, принадлежность которых к этому же экспедиционному сбору установлена в настоящее время.

⁷⁴ Бежкович Афанасий Семенович (1890, ст. Нововеличковская Екатеринодарского отдела Кубанской обл. – 1977, Ленинград) – этнограф, с 1948 по 1960 – сотрудник ГМЭ.

Илл. 8.

Холодное оружие, привезенное из экспедиционной поездки К. З. Кавтарадзе в Телавский уезд Тифлисской губ. в 1917 г.

Начнем с кинжала (Илл. 9 и 10), приобретенного К. З. Кавтарадзе в городе Телаве⁷⁵ Тифлисской губ. и зафиксированного собирателем как: «Кинжал княжеский серебряный. *Ханджали*. Цена 65 руб.»⁷⁶. Это кинжал-бебут. Клинок изогнутый, обоюдоострый, со следами воронения. Имеет два неглубоких узких симметричных дола с каждой стороны. С лицевой стороны долы не доходят до пяты. Это место оставлено для изображения и надписи, выполненных в технике инкрустации латуњью (всечки). Это изображение представляет собой стилизованное изображение русского герба. Как уже упоминалось в моей статье «Кубачинское оружие... Предметы, приобретенные Е. М. Шиллингом» (Нератова 2023)⁷⁷, изображение гербов на оружии является очень давней традицией, и на Кавказе оно нашло свое широкое применение.

⁷⁵ Современный г. Телави.

⁷⁶ Архив РЭМ: ф. 1, оп. 2, д. 305, л. 36.

⁷⁷ Статья опубликована в этом же номере.

Илл. 9.

Кинжал-бебут *ханджали* с ножнами (РЭМ № 6266 – 46/1,2). Лицевая сторона.

1880 – начало 1890-х годов. Телавский уезд Тифлисской губ.

Длина общая (в ножнах) – 46,3 см; длина кинжала (острие обломано) – 43,5 см;
длина клинка – 32,5 см, ширина клинка (у рукояти) – 3,6 см; длина ножен – 35,0 см.

Сталь, серебро, кость, рог, дерево, кожа.

Илл. 10.

Кинжал-бебут ханджали с ножнами (РЭМ № 6266 – 46/1,2). Тыльная сторона.

На данном кинжале перед нами герб Российской Империи (Илл. 11), сделанный местным мастером для неизвестного, к сожалению, местного же пользователя. Здесь герб, по-видимому, является либо прихотью заказчика, либо указанием на достойное (уважаемое, заметное) положение мастера, претендующего на свою известность за пределами региона, то есть во всей Российской Империи. Ну а несколько вольное обращение с государственной символикой и замена корон подписью мастера несколько не умаляют значения герба с местной точки зрения. Более того, возможно, это только усиливает статус мастера, позволившего себе записать свое имя, включив его в геральдическое изображение. Это же изображение помогает датировать данный кинжал. Исходя из иконографии герба Российской Империи, несмотря на примитивность его исполнения и вольную трактовку на данном клинке, он более всего напоминает малый герб Российской Империи 1883 года и может быть отнесен к эпохе Александра III.

Все остальные детали кинжала не противоречат такой датировке. Рукоять из двух пластин с фигурно вырезанной головкой: с лицевой стороны стоит кость, с тыльной – черный рог. Ножны из деревянных плашек, обтянутых окрашенной в черный цвет кожей. Серебряная отделка выполнена хорошим мастером, украшена в технике гладкой черни (под чернь выгравированы бороздки, заполненные черневым составом, после все детали гладко отполированы), дополнена поясками из ложной зерни и скани.

Три сабли, приобретенные Кавтарадзе в том же 1917 году, отличались качеством отделки, а следовательно, и их стоимостью. Первая в списке к отчету собирателя сабля (РЭМ № 4643 – 1/1,2) записана как: «Сабля серебряная и серебряная насечка. *Хмали*. Цена 90 руб.»⁷⁸, вторая сабля (РЭМ № 4643 –

Илл. 11.
Кинжал-бебут ханджали.
(РЭМ № 6266 – 46/1). Фрагмент.
На лицевой стороне клинка
расположено сильно
стилизованное изображение
двуглавого орла и надпись
арабской графикой:
«Сделал Амир (?)».

⁷⁸ Архив РЭМ: ф. 1, оп. 2, д. 305, л. 36.

3/1,2): «Сабля. Медная насечка. Цена 20 руб.»⁷⁹, третья сабля (РЭМ № 4643 – 2/1,2): «Сабля. Медная насечка. *Хмали*. Цена 45 руб.»⁸⁰. Все три сабли одного региона, одного типа с весьма незначительными отличиями в богатстве отделки. Обращает на себя внимание, что в архивном документе две из них названы *хмали*, а одна – нет. Учитывая, что *хмали* – это любое длинноклинковое оружие, то это какое-то сиюминутное ситуационное (на 1917 год) восприятие собирателя либо банальная случайность (недописанное слово). Тем не менее, имея подробные описания предметов в коллекционной описи 1927 года (сделанной до утраты рукояти на одной из сабель), можно предположить, что К. З. Кавтарадзе для своего времени называл термином *хмали* сабли, имевшие «дужку»-цепочку, соединявшую головку рукояти с крестовиной.

Описание сабли РЭМ № 4643-1/1,2, сделанное Ф. А. Фиельstrupом в 1927 году: «...клинок слегка выгнутый, с двумя продольными желобками, узким и широким вдоль спинки. Клеймо в нижней части клинка [регистратором приведен рисунок] на левой стороне. Эфес прямой с изогнутым впереди под прямым углом кончиком, покрыт черной кожей. Рукоять охвачена тремя серебряными кольцами, покрытыми, как и крестовина, черненым рисунком. Между кольцами штампованные серебряные розетки. От передней ости крестовины к кончику эфеса протянута тройная серебряная цепь с шариком посередине»⁸¹. Описание сабли РЭМ № 4643-2/1,2 в той же коллекционной описи: «...клинок слегка выгнутый, с тремя продольными желобками вдоль спинки. Клеймо в нижней части клинка [рисунок: GENOVA] с обеих сторон. Эфес прямой с загнутым вперед под прямым углом кончиком, покрыт черной кожей. Крестовина украшена насечкой из золотой проволоки. От передней части крестовины к загнутому кончику эфеса подвешена двойная серебряная цепочка с шариком посередине, оторванная от ушка на кончике эфеса (подвязана)»⁸². Наконец, описание сабли РЭМ № 4643-3/1,2: «...клинок слегка выгнутый, с двумя неровно сделанными продольными желобками вдоль средней части спинки. Клеймо в нижней части клинка: восьмиконечная звезда с

⁷⁹ Архив РЭМ: ф. 1, оп. 2, д. 305, л. 36.

⁸⁰ Архив РЭМ: ф. 1, оп. 2, д. 305, л. 36.

⁸¹ Архив РЭМ: Рукописные описи, т. 63, л. 585.

⁸² Архив РЭМ: Рукописные описи, т. 63, л. 585.

вписанным квадратом, внутри которого надпись [регистратором приведен рисунок]. Кончик эфеса отломлен, и черная кожа покрывает только основание рукояти. Крестовина украшена насечкой из медной проволоки»⁸³.

Рассмотрим подробнее эти сабли. Все они относятся к одному типу. Это классические закавказские сабли с клинком слабой кривизны, с несколькими долами. Рукояти деревянные, покрыты кожей, черен рукоятей расширен к крестовине, крестовины стальные, небольшие, без ребер, с короткими поперечными концами, завершающимися расширениями-«шариками». Эти «шарики» в продольном сечении имеют приплюснутую ромбовидную форму, в поперечном — круглую.

Э. Г. Аствацатурян называет подобные сабли «грузинскими иранского типа» (Аствацатурян 2004, 332-334). На мой взгляд, это справедливо отчасти. Такие сабли бытовали во всем Закавказье, имея лишь незначительные отличия в отделке или используемых материалах (например, наличие роговой рукояти или деревянной, покрытой кожей, с одинаковым расширением к основанию). Среди подобных сабель ярко выделялись только сабли горцев Восточной Грузии, имевшие очень характерные черты в украшениях. Остальные были довольно схожи, хотя и отличались наличием или отсутствием «дужки»-цепочки и незначительными отличиями угла наклона головки рукояти (под прямым или тупым углом с лезвием).

Ножны этих сабель также однотипны. Они состоят из деревянных плашек, обтянутых черной шагреновой кожей. Прибор состоит из стальных наконечника и двух обоймиц. Верхний край наконечника треугольный, всегда спрятан под кожу ножен (чаще под отдельно изготовленную дополнительную кожаную муфту). Форма наконечника лаконичная: он плавно сужается к нижнему концу и закруглен. Обоймицы небольшие, овальной формы с фигурными петлями для крепления портупей (обычно с наружной стороны петли имеют форму, приближающуюся к ромбовидной, или овальную). Центр изготовления такого оружия нам неизвестен. Предположительно, они изготавливались по всему Закавказью довольно широко.

⁸³ Архив РЭМ: Рукописные описи, т. 63, л. 586.

Сабля с ножами (Илл. 12, 13, 14), имеющая музейный номер РЭМ № 4643-1/1,2, была самой дорогой по отделке и по сохранности при ее приобретении в 1917 году. Клинок данной сабли имеет два дола, идущих вдоль обуха: один более узкий, второй — более широкий. На расстоянии 14,5 – 15,0 см верхний дол заканчивается и обух резко сведен на нет. На одной стороне клинка (тыльной) имеется выбитое клеймо, состоящее из окружности с четырьмя ромбовидными выступами и точками слева и справа от центральной фигуры (Илл. 15). Рукоять имеет деревянную основу, обтянута черной шагреновой кожей, охвачена тремя фигурными серебряными поясками, украшенными полосами скани и ложной зерни, неглубокой гравировкой и чернью. Рисунок стилизованный растительный, не очень плотный, фон заполнен зигзагообразными гравированными линиями. Между поясками на рукоять набиты серебряные обойные гвоздики со штампованными шляпками-розетками. Головка рукояти отогнута под прямым углом к лезвию и укреплена стальным колпачком с четырьмя «лепестками». В основании рукояти — стальная крестовина. Колпачок и крестовина украшены насечкой серебром по стали. Рисунок стилизованный растительный, густой. Орнамент на крестовине отличается с лицевой и с тыльной стороны (с тыльной стороны — композиция рамочная). Поперечные концы крестовины имеют расширения «шарики», верхний продольный конец крестовины закрыт украшениями черена рукояти. На вершине колпачка имеется ушко, к которому прикреплена сложная «дужка»-цепочка. Другой конец этой цепочки прикреплен к одному из расширений-«шариков» крестовины. «Дужка» состоит из трех цепочек якорного плетения из восьмеркообразных звеньев с перпендикулярно развернутыми колечками, прерываемых в центре украшением в виде ажурного шарика. Ножны деревянные, обтянутые черной шагреновой кожей. Прибор ножен стальной, состоит из наконечника, верхняя часть которого закрыта кожаной муфтой, и двух обоймиц с фигурными литыми ушками с вогнутой стороны ножен (сабельный подвес). Прибор ножен украшен насечкой серебром по стали. Рисунок стилизованный растительный, густой, отличающийся по орнаменту с лицевой и с тыльной стороны ножен (с тыльной стороны — композиция на каждой детали рамочная).

Илл. 12.
Сабля хмали с ножнами.
(РЭМ № 4643 – 1/1,2).
Лицевая сторона.

Илл. 13.
Сабля хмали с ножнами.
(РЭМ № 4643 – 1/1,2).
Тыльная сторона.

Середина – начало второй половины XIX века. Телавский уезд Тифлисской губ.
Длина общая (в ножнах) – 93,5 см; длина сабли – 92,2 см; длина клинка – 80,0 см;
ширина клинка (у рукояти) – 3,0 см; длина ножен – 80,5 см.
Сталь, серебро, дерево, кожа.

Илл. 14. Сабля *хмали* с ножнами (РЭМ № 4643 – 1/1,2). Фрагмент.

Илл. 15. Сабля *хмали* с ножнами (РЭМ № 4643 – 1/1,2). Фрагмент.

Клеймо состоит из окружности и точек.
Имеется только на тыльной (левой) стороне клинка.

Сабельная полоса с ножнами (Илл. 16, 17), имеющая музейные номера РЭМ № 6790–16 и № 4643 – 2/2, при приобретении стоила в два раза дешевле предыдущей. Она имела более бедную отделку, но сохранность ее была полной. Клинок имел рукоять с крестовиной и «дужкой»-цепочкой. В настоящее время сохранилась только сабельная полоса, которая имеет три узких дола, идущих вдоль обуха: ближайший к обуху короче двух других. На расстоянии 22,5 см от острия верхний дол заканчивается и обух резко сведен на нет. На обеих сторонах клинка имеется выбитое клеймо, состоящее из надписи латинскими буквами GENOVA и двух дуг сверху и снизу от нее (Илл. 18).

Илл. 16.
Сабля хмали с ножами.
(РЭМ № 6790-16 и № 4643-2/2).
Лицевая сторона.

Илл. 17.
Сабля хмали с ножами.
(РЭМ № 6790-16 и № 4643-2/2).
Фрагмент.

Середина – начало второй половины XIX века. Телавский уезд Тифлисской губ.
Длина сабельной полосы – 80,7 см; длина клинка – 73,5 см;
ширина клинка (у пяты) – 3,0 см; длина ножен – 77,0 см.
Сталь, латунь, дерево, кожа.

Илл. 18. Сабельная полоса (РЭМ № 6790-16). Фрагмент.
Клеймо «GENOVA» с дугами.
Имеется на обеих сторонах клинка.

Ножны деревянные, обтянутые черной шагреновой кожей. Прибор ножен стальной, состоит из наконечника, верхняя часть которого закрыта кожаной муфтой, и двух обоймиц с фигурными литыми ушками с вогнутой стороны ножен (сабельный подвес). Прибор ножен украшен насечкой латуны по стали. Рисунок стилизованный растительный, редкий, отличающийся по орнаменту с лицевой и с тыльной стороны ножен (с лицевой стороны орнамент состоит из рельефных повторяющихся элементов, а с тыльной – композиция гладкая и очень сильно стилизованная, обозначенная буквально несколькими штрихами).

Сабля с ножнами (Илл. 19, 20, 21), имеющая музейный номер РЭМ № 4643-3/1,2, была самой дешевой, имела утраченные фрагменты (головку рукояти, а возможно вместе с ней и «дужку»-цепочку, наконечник ножен) еще до приобретения в музей. Клинок этой сабли имеет два дола, идущих вдоль обуха: один более узкий, второй — более широкий. На предыдущих двух клинках долы идут от основания клинка (от рукояти), на этом образце — они начинаются, отступя от него на 16,0 – 20,0 см (с лицевой стороны) и 15,0 – 17,5 см (с тыльной). На расстоянии 19,0 – 20,0 см от острия верхний дол заканчивается и обух плавно сведен на нет. На одной стороне клинка (тыльной) имеется выбитое штампом восьмиугольное клеймо с надписью арабской графикой, вписанной в квадрат: «Сделано Мухаммадом» (Илл. 22).

Илл. 19.
Сабля *хмали* с ножами.
(РЭМ № 4643 – 3/1,2).
Лицевая сторона.

Илл. 20.
Сабля *хмали* с ножами.
(РЭМ № 4643 – 3/1,2).
Тыльная сторона.

Середина – начало второй половины XIX века. Телавский уезд Тифлисской губ.
Длина общая (в ножнах) – 87,5 см; длина сабли (головка рукояти обломана) – 87,0 см;
длина клинка – 76,0 см; ширина клинка (у рукояти) – 3,5 см;
длина ножен (наконечник ножен обломан) – 70,3 см.
Сталь, латунь, дерево, кожа.

Илл. 21. Сабля *хмали* с ножнами (РЭМ № 4643 – 3/1,2). Фрагмент.

Илл. 22. Сабельная полоса (РЭМ № 4643 – 3/1). Фрагмент.
Восьмиугольное клеймо с надписью арабской графикой: «Сделано Мухаммадом».
Имеется только на тыльной (левой) стороне клинка.

Рукоять имеет деревянную основу, обтянута черной почти гладкой кожей. В основании рукояти — стальная крестовина (верхний вертикальный конец крестовины не скрыт под кожу). Крестовина украшена насечкой латунью по стали и всечкой. Рисунок в виде розетки, вписанной в крестовину, обрамление вдоль края крестовины — инкрустация латунной проволокой (всечка). Орнамент на крестовине отличается с лицевой и с тыльной стороны (с тыльной стороны рисунок сильно стилизованный, обозначенный штрихами). Ножны деревянные, обтянутые черной кожей, украшенной тиснением (рисунок геометрический). Прибор ножен стальной, состоит из двух обоймиц с фигурными литыми ушками с вогнутой стороны ножен (сабельный подвес).

Прибор ножен украшен насечкой латуныю по стали. Украшение обоймиц аналогично украшению крестовины этой сабли.

Приобретение такого комплекта вооружения (кинжал и три сабли) не было случайным. К. З. Кавтарадзе работал в 1917 году в Тифлисской губ. по особой (специально составленной для этой поездки) программе Отдела, на что ему было выделено 1500 руб.⁸⁴ Задание, которое он получил перед отъездом, включало в себя следующий пункт: «...постараться найти в полном комплекте один мужской дворянский грузинский костюм при полном соответствующем вооружении, а также с шубейкой *куладжа*. Сфотографировать этот костюм правильно надетый, записать всю терминологию по-грузински»⁸⁵.

В дальнейшем К.З.Кавтарадзе был приобретен еще один образец оружия – кремневый пистолет. Он был привезен им в музей наряду с другими предметами, собранными им в Тифлисе и его окрестностях в 1917–1920-ых годах, и куплен музеем в 1921 году. Но этот предмет не составляет единого экспедиционного приобретения с представленными здесь кинжалом и тремя саблями. Более того, он достоин отдельного рассмотрения и будет представлен читателям впоследствии.

Настоящей статьей я надеюсь пополнить сведения о коллекции грузинского оружия Российского этнографического музея, а также внести коррективы в каталог (Холодное оружие 2006.) холодного оружия нашего музея, изданный в 2006 году, в котором две сабли были даны с неверным источником поступления, а также восполнить пробел в каталоге, опубликовав здесь третью саблю из данного экспедиционного привоза.

Примечание:

Творческие работы К. З. Кавтарадзе (рисунки, портреты, картины) хранятся в следующих собраниях: Российском этнографическом музее (Санкт-Петербург), Государственном музее политической истории (Санкт-

⁸⁴ Архив РЭМ: ф. 1, оп. 1, д.117, л. 6 об.

⁸⁵ Архив РЭМ: ф. 1, оп. 2, д. 305, л. 24 и 44.

Фотограф вещевых памятников РЭМ — О. В. Волкова.

Петербург), Воронежском областном художественном музее им. И. Н. Крамского, Национальном музее Грузии (Тбилиси).

Благодарность:

Автор выражает благодарность Левану Двалишвили за предоставление периодики на грузинском языке: газеты «Теми» (თემი. – 1911, № 36, 12 сентября) и журнала «Советское искусство» (საბჭოთა ხელოვნება. 1989. – № 3).

Библиография

- Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. — СПб., — 2004. — 432 с.
- Дмитриев С.В. Фонд Этнографического отдела Русского музея по культуре народов зарубежного Востока: история формирования и судьба (1901–1930-е гг.). — СПб., 2012. — 832 с.
- Нератова Е. И. Кубачинское оружие в Российском этнографическом музее. Часть 1: Предметы, приобретенные для музея Е. М. Шиллингом // Историческое оружиеведение. — 2023. — № 12. — С. 68 — 108.
- Нератова Е.И. К истории среднеазиатской пашки, приобретенной для Российского этнографического музея С. М. Дудиным // Историческое оружие в музейных и частных собраниях. Выпуск 1. Составитель В.Р.Новоселов. — М.: БуксМАрт, 2018. — С. 194–206.
- Холодное оружие в собрании Российского этнографического музея. — СПб, 2006. — 247 с.
- Художники народов СССР. Библиографический словарь в 6 томах. — Т. 4, кн. 2. — М., 1995. — 624 с.

Сокращения:

ЭОРМ – Этнографический Отдел Русского музея

ГМЭ – Государственный музей этнографии

РЭМ – Российский этнографический музей

МАЭ – Музей антропологии и этнографии

СНК – Совет народных комиссаров

References

Astvacaturjan Je.G. (2004). *Oruzhie narodov Kavkaza* [Weapons of the peoples of the Caucasus]. SPb. 432 p.

Dmitriev S.V. (2012). *Fond Jetnograficheskogo otdela Russkogo muzeja po kul'ture narodov zarubezhnogo Vostoka: istorija formirovanija i sud'ba (1901–1930-e gg.)* [Fund of the Ethnographic Department of the Russian Museum for the Culture of the Peoples of the Foreign East: History of Formation and Fate (1901–1930s)]. SPb. 832 p.

Holodnoe oruzhie v sobranii Rossijskogo jetnograficheskogo muzeja [Edged weapons in the collection of the Russian Jetnographic Museum]. SPb, 2006. 247 p.

Hudozhniki narodov SSSR. Bibliograficheskij slovar' v 6 tomah [Artists of the peoples of the USSR. Bibliographic dictionary in 6 volumes], v. 4, b. 2. M., 1995. 624 p.

Neratova E.I. (2018) K istorii sredneaziatskoj shashki, priobretennoj dlja Rossijskogo jetnograficheskogo muzeja S. M. Dudinym [On the history of the Central Asian drafts acquired for the Russian Ethnographic Museum by S. M. Dudin]. *Istoricheskoe oruzhie v muzejnyh i chastnyh sobranijah* [Historical weapons in museum and private collections], iss. 1, pp. 194–206. M., BuksMArt Publ.

Neratova E.I. (2023). Kubachinskoe oruzhie v Rossijskom jetnograficheskom muzeje. Chast' 1: Predmety, priobretennyye dlja muzeja E. M. Shillingom [Kubachi arms in Russian Museum of Ethnography. Part 1: Items acquired for the museum by E. M. Shilling]. *Istoricheskoe oruzhievedenie* [Weapons History Journal], № 12, pp. 68 — 108.

Abbreviations

ЭОПМ – Ethnographic Department of the Russian Museum

ГМЭ – State Museum of Ethnography

РЭМ – Russian Ethnographic Museum

МАЭ – Museum of Anthropology and Ethnography

ЧК – Council of People's Commissars